

Своеобразие этой книги Павла Наумовича в том, что в ней в виде отдельных замечаний или наметок будущих исследований в примечаниях изложена программа последующих разысканий, программа, к сожалению, только частично осуществленная самим ученым.

Приведу только несколько примеров превращения отдельных суждений и мыслей из книги в самостоятельные статьи.

Так, например, в одном из примечаний к главе второй Павел Наумович заметил по поводу цитаты из песенки «Молчите, струйки чисты»: «Сам Сухомлинов не считал возможным признать данное стихотворение ломоносовским и поместил его лишь в примечаниях... Между тем Ломоносов приводил в „Риторике“ примеры только из своих произведений» (с. 295).

В работе 1946 г. «Ломоносов и фольклор»⁶ это лапидарное замечание превратилось в специальный этюд о литературной природе и характере этого стихотворения, о его взаимоотношениях с фольклором.

В предисловии к книге «Ломоносов и литературная полемика его времени» Павел Наумович указал, что одна из проблем, в ней не освещенных, — «это вопрос о роли церковной политики Елизаветы в процессе „славянизации“ русского языка в 1740-х годах» (с. 16).

Как известно, именно этот вопрос стал предметом исследования в одной из самых интересных работ Павла Наумовича, в его статье «Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740-х годах».

Возражая тем языковедам, которые подчеркивали «консерватизм, националистичность» литературно-языковых позиций Ломоносова, Павел Наумович указывает, что они в своих построениях ограничивались «материалами из одного лишь „Предисловия о пользе книг церковных в российском языке“ и отчасти „Российской грамматики“ Ломоносова. Вместе с тем и эти материалы берутся не в их исторической обусловленности, не в связи с реальной обстановкой, в которой они возникли, не в конкретном историческом окружении, а абстрагированно, обособленно, как продукты чистой умозрительности».⁷ И вот, чтобы избежать соблазнов «чистой умозрительности», Павел Наумович вовлекает в свое исследование конкретно-исторический материал эпохи — придворную проповедь 1740-х годов. «Проповеди времени Елизаветы, — пишет он, — представляли собой серьезную общественную силу в руках духовенства, но при всех мелких и частных выгодах, которые при этом приобретала и использовала церковь, все же проповедь была одним из идеологических звеньев пра-

⁶ Берков П. Н. Ломоносов и фольклор. — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов. II, с. 107—129.

⁷ Берков П. Н. Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740 годах. — Изв. АН СССР, отд. общ. наук, 1937, № 1, с. 203.